

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>

«Призрачные деревни» в культурной памяти России

Леонов Иван Владимирович¹, Кириллов Игорь Викторович²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807>

² os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798>

Аннотация. В статье рассматривается историогенез образа «призрачной деревни» в культуре России. Отдельный блок текста посвящен анализу теоретико-методологических аспектов изучаемой проблематики — с опорой на работы Я. Асмана и П. Нора. Образ «призрачной деревни» позиционируется как значимый аспект культурной памяти, а также как своеобразное «место памяти». Проанализированы основные аспекты, участвующие в формировании образа «призрачной деревни» в культурной памяти России. В качестве причин возникновения и бытования указанного образа рассматриваются последствия модернизационных процессов, которые вызвали значительные сдвиги в социальной, экономической, повседневной и иных сферах культуры. Акцент делается на рассмотрении процессов урбанизации и роста промышленного производства, которые повлекли за собой отток населения из деревни в город и спровоцировали определенные изменения ценностно-смыслового статуса сельских поселений. Анализируются причины популяризации образа «призрачной деревни», формирующие ностальгическую тягу к традиционным аспектам культуры и прошлому в условиях города и модернизированной культуры. Отдельное внимание уделяется судьбе деревень в период военных потрясений XX века. Особо значимый аспект данной темы связан с Великой Отечественной войной, с трагическими событиями и испытаниями, которые выпали на долю советского народа и отразились на судьбах многих сел и деревень, пострадавших от рук врага или полностью уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками. Выдвинутые авторами статьи теоретические положения проиллюстрированы конкретно-историческим материалом и примерами из отечественной художественной культуры, включая литературу, киноискусство, эстраду, скульптуру, архитектуру и др. Дана оценка репрезентации темы «призрачных деревень» в современной российской культуре.

Ключевые слова: культурная память, место памяти, культурный код, российская деревня, урбанизация, модернизация, ностальгия, «страдающий» артефакт

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 90—108. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>.

«Phantom Villages» in the Cultural Memory of Russia

Ivan V. Leonov¹, Igor V. Kirillov²

^{1,2} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

² os84@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

Abstract. *The article considers historiogenesis of the image of a «phantom village» in the culture of Russia. A separate section of the text is devoted to the analysis of theoretical and methodological aspects of the studied problems — based on the works of Ya. Asman and P. Nora. The image of a «phantom village» is positioned as a significant aspect of cultural memory, as well as a kind of «place of memory». The main aspects involved in the formation of the image of a «phantom village» in the cultural memory of Russia are analyzed. The consequences of modernization processes that caused significant shifts in social, economic, everyday and other spheres of culture are considered as the causes of emergence and existence of this image. The emphasis is placed on the consideration of the processes of urbanization and the growth of industrial production, which led to the outflow of population from the village to the city and provoked certain changes in the value-semantic status of rural settlements. The reasons for popularizing the image of a «phantom village» are analyzed, forming a nostalgic craving for traditional aspects of culture and the past in the conditions of the city and the modernized culture. Special attention is paid to the fate of villages during military upheavals of the 20th century. A particularly significant aspect of this topic is connected with the Great Patriotic War, with the tragic events and trials that befell the Soviet people and affected the fate of many settlements and villages that suffered at the hands of the enemy or were completely destroyed by the Nazi invaders. The main aspects involved in the formation of the image of a «phantom village» in the cultural memory of Russia are analyzed, including nostalgic craving for the past, the consequences of modernization and urbanization, socio-cultural and military upheavals of the 20th century. Theoretical propositions put forward by the authors of the article are illustrated by the concrete historical material and examples from the national artistic culture, including literature, cinema, pop music, sculpture, architecture, etc. A representation assessment of the theme of «phantom villages» in modern Russian culture is given.*

Keywords: *cultural memory, place of memory, cultural code, Russian village, urbanization, modernization, nostalgia, «suffering» artifact*

For citation: Leonov I. V., Kirillov I. V. «Phantom villages» in the cultural memory of Russia. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):90—108 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>.

Постановка проблемы. Статья посвящена тематике, которая не так давно стала набирать популярность в отечественной науке и до сих пор остается недостаточно раскрытой. Речь идет о феномене «культурной памяти» (в терминологии Я. Асмана), включая частные аспекты данного явления. Одним из таких аспектов в культурной памяти России предстает образ «призрачной деревни», глубоко интегрированный в сознание носителей отечественной культуры. Указанный аспект культурной памяти носит устойчивый характер и на протяжении длительного времени, видоизменяясь и преобразуясь, сохраняет свой актуальный статус, — что делает его весьма интересным для изучения.

Теоретико-методологические основы исследования. Сам по себе феномен «культурной памяти» представляет собой комплекс сведений о прошлом (поддерживаемый соответствующими практиками), который существует в определенной культуре и отделен некоторым зазором от «памяти коммуникативной» — во многом ситуативной, бытующей «здесь и сейчас» на уровне непосредственных сведений о той или иной реальности культуры. Я. Асман так характеризует коммуникативную память: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай — память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти» [1, с. 52—53]. В свою очередь культурная память своими корнями уходит в глубокое прошлое, формируя определенный комплекс сведений, включающий разнообразные формы (среди которых выделяются различные мифы, сюжеты, образы и другие феномены), — и реализуется в многообразных практиках, например в праздниках, ритуалах и т. п.

Специфика культурной памяти выражена в том, что она «направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [1, с. 54]. Сфера культурной памяти не всегда жестко структурирована и порой может включать различные представления о прошлом; иные из них относительно упорядочены, у них нередко можно отследить иерархические связи и выявить «смысловое ядро», а другие могут восприниматься как довольно разобщенные, неструктурированные, дробные, эклектичные. В культурной памяти конкретных сообществ (национальных, этнических и др.) складываются различные соотношения указанных составляющих — упорядоченных в пространственно-временном континууме компонент, а также комплексов, которые выглядят как слабоупорядоченные, имеющие мозаичную структуру. При этом та часть культурной памяти, которая на первый взгляд воспринимается как неупорядоченная, представляющая собой набор неких образов, архетипов, аллюзий прошлого, на самом деле может являть собой сложноустроенную целостность со многими связанными между собой «эпицентрами». Таким полицентричным образованиям свойственна сетевая структура, где каждый элемент имеет множество связей с другими составляющими и глубоко интегрирован в их пространство. Во многом такие образования сопоставимы с ризомой (в терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари), для которой характерно отсутствие системообразующего эпицентра, то есть «генерала»: «В противоположность центрированным (даже полицентрированным) системам с иерархической коммуникацией и предустановленными связями, ризома является а-центрированной, неиерархической и незначащей системой — без Генерала, без организаторской памяти или центрального автомата...» [2, с. 38]; кроме того, их можно сравнить со структурой лабиринта, которую У. Эко именовал «сеткой» [См.: 3, с. 63]. Сложность обозначенных структур ведет к тому, что отдельные их элементы (в том числе те, которые кажутся поверхностному наблюдателю третьестепенными), будучи вплетенные в общую ткань культурной памяти, могут оказаться чрезвычайно значимыми для формирования и сохранения целостности представлений об историко-культурном прошлом.

Ведя разговор о культурной памяти, необходимо указать, что в работах Я. Асмана, являющегося признанным первопроходцем в данной сфере, термин «культурная память» трактуется достаточно узко и четко отделяется от «коммуникативной памяти». Культурная память в работах автора характеризуется как феномен, который отражает мифическую предысторию и события в абсолютном прошлом, учрежденный, в высокой степени оформленный, включающий ритуальные коммуникации и праздники как необходимые компоненты. Временная структура культурной памяти, носителями которой являются «специалисты», сводится к абсолютному прошлому, мифической древности [См.: 1, с. 58—59]. Указанные характеристики способствуют появлению существенного зазора между памятью культурной, прямо отождествляемой с древностью, и памятью «постдревней», которая затрагивает интервал от глубинных пластов истории и вплоть до современности. На наш взгляд, подход Я. Асмана является достаточно спорным; вызывает вопросы, в частности предложенное им четкое деление памяти на «коммуникативную» и «культурную». Мы можем наблюдать в современности явления, которые обладают практически всем набором формальных признаков, позволяющим отнести их, по Асману, к сфере культурной памяти (они вполне оформлены, учреждены, ритуализированы и т. д.), но произошли они не в седой древности, а буквально несколько десятилетий назад; в качестве примеров таких явлений можно указать на многие аспекты советской истории и культуры, связанные с революционными событиями, Гражданской войной, Великой Отечественной войной, покорением космоса и т. д. Кроме того, в сфере культурной памяти вполне могут проявляться феномены, которые имеют устойчивый характер и периодические актуализации как в древности, так и во времени, близком к современности, и в самой современности, — то есть обнаруживают свое актуальное проявление как в культурной, так и в коммуникативной памяти (что имеет непосредственное отношение к предмету настоящей статьи, указанному в заглавии). Названные обстоятельства делают зыбкими границы между «культурной» памятью и памятью «коммуникативной».

Структурными компонентами культурной памяти являются «символические фигуры» или определенные единицы, которые вполне могут быть соотнесены с «местами памяти» (в терминологии

П. Нора [4]). (При этом термин «места памяти» представляется недостаточно емким для обозначения в русском языке указанного феномена, поскольку нередко его воспринимают как указание на конкретный артефакт либо локацию, — в то время как «места памяти» далеко не во всех случаях являются таковыми. Данные феномены скорее можно трактовать как своеобразные средоточия сведений о прошлом, «сгустки», «зацепки», «узлы» памяти, которые укореняются не равномерно, а в соответствующих «точках притяжения».) Указанный теоретический ракурс особенно интересен в отношении анализа «слабоструктурированных» форм культурной памяти, нередко предстающих как совокупности нагроможденных элементов; однако эти элементы, будучи тесно интегрированы, являют собой своеобразные «гравитационные центры», стягивающие сведения о прошлом, — то есть «зацепки памяти».

Одной из таких «зацепок» в культурной памяти России является образ «призрачной деревни» — деревни исчезающей, страдающей, гибнущей, забытой, уничтоженной; деревни, чья материальная форма и смысловая аура претерпели неорганические изменения. Данный образ, будучи очень устойчивым, сформировался и бытует в культурной памяти России на протяжении многих поколений, оказывая довольно сильное психоэмоциональное воздействие на носителей отечественной культуры. Образы покосившихся домов, почерневших срубов с заколоченными окнами, пепелищ, среди которых возвышаются лишь уцелевшие печные трубы, заброшенных полей, заросших сорной травой; семейные воспоминания и донесенные масс-культурой сведения о различных потрясениях XX века, чрезвычайно болезненно отразившихся на деревне, — все это формирует особое «место памяти», значимое для российской культуры.

Результаты исследования. Генезис образа «призрачной деревни» достаточно сложен и включает проявление нескольких векторов, которые «подпитывают» его. Один из таких векторов основан на *проявлениях ностальгии, тоски по прошлому и его романтизации*, что свойственно представителям очень многих культур. Например, весьма устойчиво они обнаруживают себя в европейской культурной традиции, в том числе в античности и в более поздние исторические периоды, особенно в постренессансную эпоху. Показательно, что данные тенденции получали актуализацию в Европе Нового и

Новейшего времени в контексте роста инновационных процессов. Приэтом ностальгический вектор пробивался в западноевропейской культурной традиции сквозь ее направленность на будущее и постоянные перемены. В свою очередь в культурах, природа которых имела более традиционный характер, фактор ностальгии о прошлом, вызываемой в том числе инновационными процессами, носил, как нам представляется, более выраженный характер. Когда указанные культуры входили в полосу инновационных процессов, на фоне происходящих изменений рождалось восприятие уходящей историко-культурной реальности как чрезвычайно притягательной, практически эталонной, вплоть до приравнивания ее к золотому веку культуры. Идеализация былого проявлялась в самых разных культурных пластах — и в сочинениях высокоумных философов и литераторов («что пройдет, то будет мило» [5, с. 125]), и на самом обыденном уровне.

Второй вектор формирования образа «исчезающей деревни» в культурной памяти России вытекает из первого и связан с затянувшимся переходом от домодерна к модернизационным процессам (который к тому же проходил весьма травматично). Непременным спутником модернизации являлся рост городов и промышленного производства, что способствовало умалению значения деревни. В указанную историческую эпоху представители многих модернизируемых культур устойчиво воспринимали статус деревенского жителя и сельский образ жизни как нечто косное, архаичное, социально неуспешное. «Деревенскость» вызывала непонимание и порой пренебрежение со стороны жителей бурно развивающихся городов; в некоторых случаях слово «деревня» превращалось в бранное (показательным примером может служить сцена из популярного советского кинофильма «Любовь и голуби» (1984, реж. В. Меньшов), где Раиса Захаровна использует слово «деревня» как ругательство). Представляется, что это связано прежде всего с тем, что в эпоху модернизации достижение человеком социального успеха очень во многих случаях было связано с приобретением городского статуса и переходом на городские социокультурные (в том числе и поведенческие) установки; вспомним хотя бы шукшинского Алёшу Бесконвойного, который мечтал о том, чтобы его дети «уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения» [6, с. 488]. На

фоне указанных выше обстоятельств проявлялись тенденции к идеализации былого культурного уклада, — в том числе сельского образа жизни как дистанцированного от прогресса со всеми его негативными аспектами и от резких инновационных сдвигов, нарушающих внутрикультурный баланс.

Российскую модернизацию (которая, как и в других европейских странах, сопровождалась переселением значительной части населения в города) принято характеризовать как явление относительно недавнее и по сути своей незавершенное. Так, к 1917 г. 80 % населения проживало в деревнях; численность городского населения в РСФСР превышает численность сельского только в конце 1950-х гг. [7, с. 10]. Причем нельзя утверждать, что переселение в город автоматически превращает человека в горожанина. Очень многие из современных российских горожан — горожане во втором-третьем поколениях, сохраняющие связи с деревней, в том числе ментальные. Зачастую (особенно это характерно для культур с высокой долей домодернизационных аспектов) выходцы из деревень, переместившись в города, воспроизводят в новой среде прежние культурные практики. Показательно, что многие иностранцы, приезжавшие в Россию, например В. Беньямин, характеризовали российские города, в том числе и Москву, как «недостаточно городские» [8, с. 201—202]. Представляется, что данные обстоятельства свидетельствуют в том числе о проявлении глубинных аксиологических оснований российской культуры, во многом связанных с исторически присущим ее носителям земледельческим образом жизни. Данные основания, будучи глубоко укорененными в сознании носителей отечественной культуры, включают в качестве одной из компонент образ дома, который в российской культуре ассоциируется прежде всего с домом деревенским, — что находит свое отражение даже в урбанизированной среде на уровнях формирования пространства, оформления интерьера и т. д. Возможно, что во многом с этим связано отношение к деревне, деревенскому быту и присущим деревне культурным практикам, которое проявляется в российском обществе, особенно среди представителей среднего и старшего поколения.

В таких условиях достаточно распространенным явлением становится *ментальная тяга* к деревне, которая может выражаться в привнесении в городскую жизнь отдельных элементов жизни

сельской (любопытен в этой связи, в частности, феномен дач в его современном виде и феномен садово-огородных хозяйств, весьма значимые для современной российской культуры). Кроме того, рассматриваемая тенденция может проявляться в стремлении к уходу из города в деревню, что весьма ярко отразилось в художественном творчестве. Показателен в данном случае кинофильм «Афоня» (реж. Г. Данелия, 1975), главный герой которого, прожив большой отрезок жизни в городе, возвращается в деревню, отбросив городское прошлое как «ненастоящее», бессмысленное. Другим, еще более выразительным и трагичным примером является фильм «Калина красная» (реж. В. Шукшин, 1973), центральной идеей которого также выступает возврат человека к своим деревенским истокам. Также данная тематика присутствовала в фильмах «Две жизни» (реж. К. Воинов, 1956), «Половодье» (реж. И. Бабич, 1962), «Дом и хозяин» (реж. Б. Метальников, 1967) и др.; всего, по подсчетам Л. Мазур, в советские времена было снято около 60 кинокартин, центральная тема которых была связана с возвращением в село [9]. Ментальная тяга к деревне проявлялась в самых различных сферах художественной культуры; укажем, например, на популярную некогда песню «Снится мне деревня» (муз. Б. Емельянова, сл. Л. Дербенева):

*Сам себя считаю городским теперь я,
Здесь моя работа, здесь мои друзья.
Но все так же ночью снится мне деревня —
Отпустить меня не хочет родина моя.*

Вообще деревенская тема была достаточно широко репрезентована в советской песенной культуре 1960—1980-х гг.; достаточно упомянуть такие советские ансамбли, как «Песняры» и «Верасы», которые часто обращались в своем творчестве к деревенской тематике. Песни названных ансамблей на деревенскую тему (в которых присутствовал мотив идеализации села и сельской жизни) находили широкий отклик у советского общества, в том числе и у городской аудитории.

Помимо уже названных обстоятельств, особую роль в формировании образа «призрачной деревни» в отечественной культуре сыграли тектонические историко-культурные сдвиги и потрясения XX века (революция 1917 года, радикальные социокультурные преобразования первых советских десятилетий,

Великая Отечественная война), которые чрезвычайно болезненно отразились на деревне, на традиционном, домодернизационном строе российской жизни. Смена социально-экономических укладов («формаций», если оперировать марксистской терминологией) никогда и нигде не проходит безболезненно, но в России XX века последствия этих перемен были чрезвычайно значительными. А последствия Великой Отечественной войны стали буквально катастрофическими.

Примечательно то, что «страдания», причиненные деревням, деревенским домам, всевозможным артефактам, присущим сельскому быту, воспринимаются представителями российской культуры особенно тяжело. Для иллюстрации данного тезиса можно привести ряд примеров из отечественной художественной культуры.

Вспомним в этой связи военные стихи К. Симонова. В хрестоматийном стихотворении «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» он, в частности, писал:

*Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

*Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела [10, с. 88].*

Показательно, что один из наиболее значительных советских поэтов 1940-х гг. для усиления психоэмоционального воздействия на читателей обращается именно к деревенским образам и символам. Полемически заостряя формулировки, он даже декларирует, что Родина, что российская культура — прежде всего, вот это, домодерновое начало... Учитывая то впечатление, которое оказало на советское общество указанное стихотворение, следует признать, что читатели Симонова вполне приняли этот его тезис.

Начиная с 1960-х гг. тема страдания (в том числе и тема «страдающих», уничтоженных, «призрачных» деревень) активно использовалась для мемориализации памяти о Великой Отечественной войне. Прежде всего следует сказать про Мемориальный комплекс «Хатынь» (арх. Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор С. Сели-

ханов). На месте, где стояли деревенские хаты, установлено 26 символических нижних венцов, выполненных из бетона, и 26 обелисков в виде печных труб; обелиски венчают колокола, которые каждые полминуты звонят по жертвам нацизма. Возле каждого из уничтоженных домов поставлен знак в виде распахнутой калитки, символизирующий гостеприимство деревенских жителей. Помимо названных объектов, комплекс включает мемориальные знаки колодцев в виде мраморных срубов. Также в состав Хатынского мемориального комплекса входит «Кладбище деревень» из 185 могил — по числу невозрожденных белорусских деревень, которые были сожжены захватчиками вместе с жителями. Могила каждой деревни выполнена в форме символического пепелища; в траурной урне хранится земля, взятая на месте уничтоженной деревни. Еще одна составляющая мемориального комплекса — символические «деревья жизни», на которых указаны названия 433 белорусских деревень, уничтоженных немецкими оккупантами вместе с жителями, но возродившихся после Великой Отечественной войны.

Ярким примером также выступает мемориал, который находится на месте деревни Большое Заречье (Волосовский район Ленинградской обл.). Эта деревня была уничтожена немецкими оккупантами в 1943 г., при этом погибло (в основном были сожжены заживо) 66 человек, в том числе 19 детей. После войны деревню не восстанавливали; в 1971 г. на ее месте был воздвигнут мемориал (арх. Ф. Гепнер). Основу мемориала составили печи, кроме которых от деревни почти ничего не осталось. Побеленные печные остовы, стоящие посреди обычного среднерусского пейзажа (поле, осины, ели...), создают исключительный по эмоциональной силе памятник. Большое Заречье часто именуют «русской Хатынью» — по аналогии с Хатынью белорусской.

Примечательно, что побеленный печной остов, стоящий посреди голого поля, присутствует и в составе другого мемориала — мемориала, поставленного на том месте, где когда-то была деревня Красуха Порховского района Псковской обл. Судьба этой деревни была такой же, как судьба Большого Заречья.

Характерно, что образ горящей деревни, горящих деревенских домов стал одним из центральных в художественном отображении Великой Отечественной войны:

*А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата [11, с. 164].*

Помимо потрясений, вызванных войнами и вооруженными конфликтами, российские деревни в XX веке болезненно страдали — как это уже было выше указано — и от модернизационных процессов, включая социально-экономические и технологические преобразования. Следы этих перемен, прежде всего многочисленные заброшенные деревенские дома и другие крестьянские постройки, можно увидеть в самых разных концах России. Эта проблематика получила яркое отражение в отечественной художественной культуре, в том числе литературе и киноискусстве. Причем следует отметить определенную динамику: если в 1920—1930-х гг. в советской литературе и искусстве преобладали восторги по поводу форсированной модернизации, по поводу того, что «живых коней победила стальная конница» (С. Есенин) [12, с. 83], то для последних советских десятилетий характерно более взвешенное отношение к указанной проблематике, без былой однозначности. Для многих деятелей советской культуры данного периода было характерно скептическое отношение к модернизационным процессам; наступление города на деревню они нередко описывали как наступление хаоса, убывание жизни и порядка. Так, в известной повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976), пронизанной эсхатологическими мотивами, повествуется о судьбе приангарской деревни, которая в связи со строительством Братской ГЭС была приговорена к затоплению, а жители ее должны были быть переселены. В. Распутин создал выразительные, эмоционально окрашенные описания пустеющих деревень: «Покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски — поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним...» [13, с. 420], «Неуклюже и голо торчали раскрытые стропила, мертво и властно смотрели в улицу проемы выставленных окон <...> стыли под небом оставленные на произвол судьбы русские печи» [14, с. 235]. Одна из наиболее впечатляющих сцен «Прощания с Матёрой» — сжигание оставляемых деревенских построек. Жители

Матёры голосят по горящей избе как по покойнику, воспринимают происходящее как нечто постыдное...

Аналогичные мотивы и образы можно найти и в творчестве других советских писателей, преимущественно у тех, кого принято относить к направлению «деревенской прозы» — у В. Астафьева («Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, с едва натопанной тропой, была в закрещенных окнах, с пошатнувшимися скворечниками, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями и вольно, дико разросшимися меж молчаливых изб тополями, черемухами, осинами, занесенными ветром из лесов» [15, с. 406]), у Ф. Абрамова, В. Шукшина и др. В контексте рассматриваемой темы следует также упомянуть несколько кинокартин — например, кинофильм реж. И. Добролюбова «Белые росы» (1984), показывающий наступление урбанизации на традиционный уклад деревни, в которой живут главные герои; посвященный теме затопления деревень фильм «Прости-прощай» (реж. Г. Кузнецов, 1979); фильм «Крутое поле» (реж. Л. Саков, 1979) — один из первых отечественных кинофильмов, в которых было обозначено критическое отношение к ликвидации «неперспективных» деревень. Достаточно ярко данная тема была представлена в советской публицистике 1960—1980-х гг. [16].

Примечательно, что многие из перечисленных выше произведений — как произведений литературы и киноискусства, так и архитектурных сооружений — удостоились в 1960—1980-х гг. большого общественного внимания, а в ряде случаев и высоких государственных наград. Так, создатели Хатынского мемориала были удостоены Ленинской премии; за памятник «Скорбящая псковитянка», установленный на том месте, где когда-то была деревня Красуха, скульптор А. Усаченко стала лауреатом премии Ленинского комсомола, о трагедии Красухи был снят документальный фильм («Была на земле деревня Красуха», реж. П. Русанов, 1969 г.). Повесть «Прощание с Матёрой» издавалась большими тиражами и была экранизирована (к/ф «Прощание», реж. Л. Шепитько и Э. Климов, 1981). Фильм «Белые росы» в 1984 г. стал одним из лидеров советского кинопроката — за год его в кинотеатрах посмотрело свыше 36 млн человек. Таким образом, с полным на то основанием можно сказать, что внимание советского общества к теме призрачных, «страдающих», исчезающих деревень было

весьма высоко — и наличие этой проблемы, и допустимость (и даже необходимость) рефлексии по поводу нее признавалась советским руководством; сам факт появления множества кинофильмов на рассматриваемую тематику свидетельствует о многом — не будем забывать о том, что сценарии этих фильмов проходили через худсоветы и получали официальное одобрение. Эта тема стала частью позднесоветского дискурса, в том числе и официального.

Отметим, что генезис образа «призрачных деревень» в отечественной культуре существенным образом связан с таким аспектом восприятия их исторических биографий, как «страдание». Дело в том, что восприятие артефактов и памятников через призму «страданий» значительно усиливает их статус, привлекает к ним большое общественное внимание, позволяет воспринимать их как исторически сложные и многослойные памятники. Представляется, что «призрачные деревни» выступают в качестве одного из таких «мест памяти», и фактор «страдания» играет весомую роль в его психоэмоциональном переживании [17].

К сожалению, на современном этапе образ «призрачной деревни» обделен должным вниманием со стороны литературы, кинематографа и электронных СМИ. И потрясения XX в., и перемены последних десятилетий (в ходе которых, к примеру, многие районы Севера и европейского Нечерноземья буквально обезлюдели и появилось великое множество заброшенных деревень и поселков; согласно данным Росстата, в 1989 г. в Российской Федерации было 26,2 тыс. сельских населенных пунктов с числом жителей до 6, включая вовсе безлюдные сёла и деревни, а к 2010 г. число таких населенных пунктов увеличилось до 42,4 тыс., из них в 19,4 тыс. население фактически не проживало [18, с. 103; 19, с. 17]) в них отражаются довольно слабо. В настоящее время в отображении деревенской тематики в пространстве массовой культуры России доминируют такие векторы, как «комедийная лубочность» (неискусное, утрированное, во многих случаях вульгарное отражение деревенской жизни), а также нарочитая фиксация внимания на негативных аспектах сельского быта. Одним из существенных недостатков указанных векторов является то, что они упрощают образ деревни, которая по своей природе является серьезным, сложным, многогранным культурным комплексом. Представляется, что и рефлексия по поводу деревенской составляющей российской

культуры (в том числе и по поводу былых и современных потрясений, связанных с ней) должна соответствовать всей сложности и значимости деревенской тематики.

Заключение. Таким образом, к настоящему времени в силу целого ряда исторических обстоятельств образ «призрачной деревни» стал значимым для культурного кода России, глубоко интегрировавшись в его пространство. Даже на фоне качественных преобразований в современной культуре, на фоне засилья ее массовых форм рассматриваемый образ сохраняется, обеспечивая культурно-генетические связи с прошлым и порой вступая в противоречие со многими аспектами современной культуры. При этом указанный образ преобразуется и усложняется вместе с отечественной культурой, во многом отражая ее сложносоставную природу и исторический путь. Примечательны в данном случае слова В. Шукшина, который аттестовал себя так: «я — ни городской до конца, ни деревенский уже» [20, с. 410]. Наверное, многие наши соотечественники в последние десятилетия могли бы подписаться под этими словами.

В завершение статьи следует сказать о памятнике, название которого было вынесено в ее заголовок, — о памятнике «Призрачная деревня», созданном в 1985 г. близ г. Кировска Ленинградской обл. по проекту арх. М. Хидекеля и О. Романова. Мемориал состоит из памятного камня с надписью: «На этом месте была д. Арбузово, 58 дворов, уничтожена в боях за Ленинград с фашистскими захватчиками в 1941—1944 гг.», от которого дорожка ведет к масштабной скульптурной композиции, символизирующей дома погибшей деревни. Композиция снабжена художественной подсветкой, включающейся в ночное время. Возле композиции положены плиты, на которых высечено: «Земля Кировского района в годы Великой Отечественной войны стала местом ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками. В 1941—1944 гг. уничтожены...» — и далее идет перечисление 38 погибших деревень и поселков Кировского района. Памятник «Призрачная деревня» наряду с другими мемориальными объектами находится на территории «Невского пятачка» — места, в котором во время Великой Отечественной войны происходили невиданные по ожесточению бои.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
3. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2003. 91 с.
4. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. С. 16—148.
5. Пушкин А. С. Если жизнь тебя обманет // Пушкин А. С. Избранные произведения. Ленинград: Лениздат, 1973. С. 125.
6. Шукшин В. М. Алёша бесконвойный // Шукшин В. М. Собрание сочинений в 6 кн. Кн. 2. Верую! М.: Надежда, 1998. С. 480—493.
7. Народное хозяйство СССР в 1958 году: стат. сборник. М.: Госстатиздат, 1959. 960 с.
8. Беньямин В. Москва // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 163—209.
9. Мазур Л. Н. «Деревенское кино» 1950—1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи // Культурологический журнал. 2014. № 1 (15). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18 (Дата обращения: 21.08.2021).
10. Симонов К. М. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» // Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы. М.: Художественная литература, 1979. С. 88—89.
11. Высоцкий В. С. Братские могилы // Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 4 кн. Кн. 2. Мы возвращаем землю. М.: Надежда-1, 1997. С. 164.
12. Есенин С. А. Сорокоуст // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: Наука — Голос, 1997. С. 81—84.
13. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой // Астафьев В. П., Белов В. И., Распутин В. Г., Шукшин В. М. Русская проза XX века. М.: Астрель, АСТ, 2003. С. 419—617.
14. Распутин В. Г. Вниз и вверх по течению // Распутин В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 213—285.
15. Астафьев В. П. Любочка // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 390—428.

16. Иванчук Д. В. Проблема ликвидации «неперспективных» деревень в публицистическом отражении авторов деревенской прозы // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 1 (37). С. 112—119.

17. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176—183.

18. Российский статистический ежегодник. 2019. М.: Росстат, 2019. 708 с.

19. Ткаченко А. А. О реальном и номинальном количестве сельских населенных пунктов в современной России и ее регионах // Известия Русского географического общества. 2018. № 2. С. 15—24.

20. Шукшин В. М. Монолог на лестнице // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Кн. 3. Станные люди. М.: Надежда, 1998. С. 404—419.

References

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity] / transl. M. M. Sokol'skaja. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)

2. Delez Zh., Gvattari F. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia] / transl. Ya. I. Svirskiy; ed. V. Yu. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel', 2010. 895 p. (In Russ.)

3. Eko U. *Zametki na polyah «Imeni rozy»* [Notes on the margins of the Name of the Rose] / transl. E.A. Kostyukovich. St.Petersburg: Simpozium, 2003. 91 p. (In Russ.)

4. Nora P. *Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati. Franciya-pamyat'* [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; transl. D. Hapaevoj. St.Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1999, pp. 16—148. (In Russ.)

5. Pushkin A. S. *Esli zhizn' tebya obmanet*. Pushkin A.S. *Izbrannye proizvedeniya*. Leningrad: Lenizdat, 1973, p. 125. (In Russ.)

6. Shukshin V. M. *Alyosha beskonvojnyj*. Shukshin V. M. *Sobranie sochinenij v 6 kn. Kn. 2. Veruyu!* Moscow: Nadezhda, 1998, pp. 480—493. (In Russ.)

7. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1958 godu: stat. sbornik* [The national economy in the USSR in 1958: statistical collection]. Moscow: Gosstatizdat, 1959. 960 p. (In Russ.)

8. Ben'yamin V. Moscow. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy voproizvodimosti: Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility: Selected Essays]. Moscow: Medium, 1996, pp. 163—209. (In Russ.)

9. Mazur L.N. "Village cinema" 1950—1980s as a historical and cultural phenomenon of the Soviet era. *Kul'turologicheskij zhurnal* [Cultural journal],

2014, no 1 (15). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18 (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

10. Simonov K. M. «Ty pomnish', Alyosha, dorogi Smolenshchiny...». Simonov K.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 1. Stihotvoreniya. Poemy. Vol'nye perevody*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1979, pp. 88—89. (In Russ.)

11. Vysockij V. S. Bratskie mogily. Vysockij V. S. *Sobranie sochinenij v 4 kn. Kn. 2. My vrashchaem zemlyu*. Moscow: Nadezhda, 1997, p. 164. (In Russ.)

12. Esenin S. A. Sorokoust. Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenij v 7 t. T. 2. Stihotvoreniya (Malen'kie poemy)*. Moscow: Nauka — Golos, 1997, pp. 81—84. (In Russ.)

13. Rasputin V. G. Proshchanie s Matyoroj. Astaf'ev V.P., Belov V.I., Rasputin V.G., Shukshin V.M. *Russkaya proza XX veka* [Russian prose of the twentieth century]. Moscow: Astrel', AST, 2003, pp. 419—617. (In Russ.)

14. Rasputin V. G. Vniz i verkh po techeniyu. Rasputin V. G. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 2. Irkutsk: Izdatel' Sapronov*, 2007, pp. 213—285. (In Russ.)

15. Astaf'ev V. P. Lyudochka. Astaf'ev V. P. *Sobranie sochinenij v 15 t. T. 9. Krasnoyarsk: PIK «Ofset»*, 1997, pp. 390—428. (In Russ.)

16. Ivanchuk D. V. The problem of liquidation of “unpromising” villages in the journalistic reflection of the authors of village prose. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2019, no 1 (37), pp. 112—119. (In Russ.)

17. Leonov I.V., Kirillov I.V. “Suffering” artifact: the main forms of incarnations and peculiarities of perception. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no 6 (111), pp. 176—183. (In Russ.)

18. *Rossiiskij statisticheskij ezhegodnik. 2019.* [Russian statistical yearbook. 2019]. Moscow: Rosstat, 2019. 708 p. (In Russ.)

19. Tkachenko A. A. About the real and nominal number of rural settlements in modern Russia and its regions. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = News of the Russian Geographical Society*, 2018, no 2, pp. 15—24. (In Russ.)

20. Shukshin V. M. Monolog na lestnice. Shukshin V. M. *Sobranie sochinenij v 6 kn. Kn. 3. Strannye lyudi*. Moscow: Nadezhda, 1998, pp. 404—419. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Леонов Иван Владимирович

доктор культурологии, доцент, доцент
кафедры теории
и истории культуры,
Санкт-Петербургский государственный
институт культуры

Ivan V. Leonov

Doctor of Culture-Studies, Associate
Professor, Associate Professor of the
Theory and History of Culture De-
partment of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Peters-
burg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры,

Master student of the Theory and
History of Culture Department of
Saint-Petersburg State Institute of
Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Peters-
burg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.08.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

11.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication

26.10.2021